

ГЛАВА 6. ПЕСНЯ УЗНИКА В ТЕМНИЦЕ. СИЛА ЛЮБВИ

Срок его заточения иссякал, но сам узник об этом не догадывался. Напротив, он думал, что надолго попал в мохнатые лапы олигарха и его взбалмошной дуры-дочери. Поэтому Максим делал все от него зависящее, чтобы устроить пребывание в шикарной своей тюрьме более или менее сносным и привычным. Ему и так было предоставлено все, что пожелает, кроме свободы, но он временами все равно капризничал с целью позлить хозяев. Они не злились. Дочь была готова на все, лишь бы угодить. По части капризов фантазии Максима, выросшего в семье с ограниченными возможностями, были весьма скромными и легко выполнимыми. Например, в один из дней он потребовал гитару. Требовал очень хорошую акустическую гитару, толком сам не зная, какая гитара из всех существующих в Москве — самая хорошая. И тем не менее уже через пару часов ему привезли инструмент, при первом же взгляде на который было ясно — супер! И не просто супер, а мегасупер, ручная работа, штучный товар, индивидуальный пошив с фамилией мастера внутри. Такая гитара дилетанту родом из клуба самодеятельной песни во все не нужна была, но... ему ведь хотели и тут угодить. Максим взял этот драгоценный инстру-

мент, благоговейно настроил и попросил Дуню и курьера, доставившего эту дорогую вещь, эту бесценную лиру для пленника чужой любви, покинуть комнату.

Курьер вышел шумно и грубо, а Дуня — на цыпочках, правильно оценивая таинство происходящего. «Давненько не брал я в руки...» — подумал Максим и осторожно взял первый аккорд. Недавно он сочинил мелодию и выучил одну песню, точнее, романс на стихи Солоухина, которые ему очень нравились. Сейчас он был намерен этот романс повторить. Для себя. Для своего удовольствия. И начал потихоньку, а затем все громче и увереннее его напевать. А Дуня куда-то не ушла. Она стояла под дверью и, обмирая от любовной истомы и восхищения, слушала проникновенные слова поэта и чарующее исполнение любимого мужчины. Надо сказать, что сердце почти любой женщины возможно растопить интимным исполнением песни душевного содержания. Ну а бедное Дунино сердце уже давно было растоплено и беспомощно плавало в розовом сиропе нежности и умиления по отношению к предмету первой своей любви. А еще представьте себе, что стихи вдруг оказались абсолютно созвучными с происходящим, с тем, что творилось в исстрадавшейся Дуниной душе и жаждущем ласки организме. Мало того, что попали в резонанс, так еще и служили мудрым утешением, были, как говорится, пронизаны теплотой и участием. Да еще и оптимизмом.

Максим пел:

Давным-давно известно людям,
что при разрыве двух людей
сильнее тот, кто меньше любит.
Кто больше любит, тот слабей.
Но я могу сказать иначе,
пройдя сквозь ужас этих дней:
кто больше любит, тот богаче.
Кто меньше любит, тот бедней.
Средь ночи злой, средь ночи длинной
вдруг возникает крик в крови:
«О Боже! Смилуйся над милой,
пошли ей капельку любви!»

«Это про меня, про меня! — беззвучно рыдала Дуня за дверью. — Это мне! Мне нужна хоть капелька любви! А мы с ним ведь точно расстанемся скоро, нельзя же будет его держать тут так долго! И вот это: “сильнее тот, кто меньше любит”, — а он же меня вообще не любит. Совсем-совсем! И потому «сильней» — не то слово! Еще как сильней! А я уже совсем слабая стала, уже и дышать без него не могу! А как там еще! “Кто больше любит, тот богаче”, — да куда уже, блин, богаче-то! Уже долларами можно всю дачу обклеить! А толку-то! Все равно ведь не любит и не полюбит! Хотя бы нравилась я ему! Хоть капельку! Но нет! В лучшем случае — улыбнется. Смеется надо мной! Что я такая необразованная. Читала мало! Дурак! А в любви никакого чтения и не нужно! Если бы позволил хоть раз прикоснуться к себе, потрогать, я бы ему и без чтения показала бы, на что я способна, как я могу любить и ласкать его!»

Дунин внутренний монолог был совершенно несправедлив по отношению к чтению, ибо именно чтению она была обязана своими скромными теоретическими познаниями в области межполовых связей. Причем следует подчеркнуть, что чтению не каких-то там книг, а, разумеется, полезной во всех отношениях информации из Интернета. Про всякие-разные половые отношения-сношения там всего было в избытке. И не просто скучное чтение, а, что немаловажно, — с картинками, с наглядными, между прочим, пособиями. Поэтому Дуня была совершенно уверена, что если бы дошло до дела, она бы смогла Максима и удивить, и обрадовать, а потом — даже, может быть, и привязать к себе.

Дуня так замечталась, что перестала сдерживать скорбные звуки несостоявшейся любви, которые рвались наружу из ее гортани. И он там, в комнате, услышал, прервал песню и выглянул в

коридор. Он увидел сидящую на корточках Дуню, которая тихо скулила, как дворняжка Каштанка, потерявшая хозяина.

— Ты чего? — удивился Максим.

— У-у-у-у, — ответила девушка.

— В каком смысле? — уточнил он.

Ее ответ ясности диалогу не прибавил:

— Не знаю... Ты такой... Ух, ты какой... — Она замолчала, поднимаясь и глядя на него с собачьей преданностью, как все та же Каштанка, которую наконец нашли. Хозяин нашел и сам отыскался.

Глаза Дуни оказались на уровне подбородка Максима, и она неотрывно смотрела вверх, в его глаза, стремясь найти в них хоть какой-нибудь отблеск ответного чувства, не любви, конечно, куда там до нее, но хотя бы сострадания, тени минимальной — а много и не надо — симпатии, и еле сдерживаясь, чтобы не прильнуть к юноше и не стиснуть его в объятиях. Максим сверху смотрел в эти глаза, полные любви и слез, и не знал, что надо делать в эту минуту. Несмотря на свою уже проявившуюся актерскую звездность, он ухитрялся сохранять в себе порядочность и даже некоторое целомудрие, совершенно нетипичное для его среды. Юная, привлекательная девушка стояла близко-близко и смотрела на него, совершенно очевидно и недвусмысленно предлагая себя. Максиму на мгновение стало смешно, он вспомнил собственную аналогию с Бэлой и Печориным и понял, что не даст себя обнять, как непорочная девушка на выданье. Он даже сделал такой вяло-отталкивающий жест рукой, мол, не надо, я сейчас не готова, только не здесь, зачем тебе ЭТО надо, куда ты так спешишь?.. И Дуня восприняла этот жест как робкий отказ, но не слишком решительный; как сопротивление, но такое слабое, что его можно и нужно сломить. И она ринулась в образовавшуюся, как ей показалось, брешь, словно вода в прорванную плотину; судорожно обвила руками объект своей неудержимой страсти и прильнула к нему всем телом так, чтобы точки соприкосновения были везде, чтобы ни одного просвета не было. Ради одной лишь справедливости надо отметить, что это тело было стройным, гибким и к тому же очень мягким и отзывающимся на каждое встречное движение. Это тело расцвело и созрело (извиняюсь за рифму), оно всецело (вот опять) было готово к любви и ласке, но никто — никто! — пока (теперь извиняюсь за пошлость, но против правды не попрешь) этот плод не сорвал. Вот и Максим...

Объясним теперь, почему краткая характеристика Дуниного тела была дана именно ради справедливости. Потому что Максим отказался, не принял предлагаемый в дар «плод». После объ-

тия он почувствовал, что проклятое мужское естество берет в нем верх. В конце-то концов, он ведь молодой мужчина, и нерастрченный тестостерон просто требует выхода, но Максим был слишком хорошо и строго воспитан для того, чтобы низкий инстинкт возобладал над порядочностью и, знаете ли, ответственностью. «Ты в ответе за того, кого приручил» — кстати припомнил он слова безуловно порядочного и хорошего человека — Антуана де Сент-Экзюпери, «а вот если поцелую я ее сейчас, все! Считаю, уже приручил и оставил ее без взаимности. А сейчас она только без взаимности и давать ей какую-то надежду — это как раз и есть непорядочность, безответственность и попросту — ложь». Поэтому Максим и сдержался, не прильнул к этим влекущим, алчущим поцелуя губам. Автор в первый и, хотелось бы верить, в последний раз употребил в своей прозе слово «алчущие», но тем не менее подумал, что пусть эта страница (начиная с описания Дуняшиного тела) будет отмечена таким эротическим пафосом, хотя бы — для разнообразия.

Итак, Максим не поцеловал, но пожалел влюбленную выпускницу средней школы. Он, собрав волю в кулак, взял Дуню за плечи и мягко отстранил от себя. Потом сказал:

— Пойдем в комнату... Песню услышала, да? Понравилась?

— Да, да, очень, — залепетала Дуня. — Там все про меня... про нас...

— Да ладно? — выразил он удивление.

— Правда. «Кто больше любит, тот слабее» — это про меня. А ты ведь меня совсем не любишь. Это я и так знаю. — Она чуть подождала, слабо надеясь на возражение, но, конечно, не дождавшись, продолжила: — Но я тебе хоть чуточку нравлюсь? Ну хоть немножко?

— Подожди, Дунь, — постарался уйти Максим от скользкой темы, — ты лучше скажи, как тебе в голову могла прийти такая идиотская идея — меня украсть и тут запереть? Ну как вообще нормальному человеку, современному, в XXI веке, может такое взбрести в голову? А?

— Да не моя эта идея, — потупившись, сказала Дуня, — а папеньки моего. Он решил, что пускай, мол, я на время получу такую игрушку, о которой мечтаю. Он думал, что ты для меня — игрушка. Все остальные он уже перепробовал. Дам, мол, доченьке предмет ее вздыханий, в коробочке с розовой ленточкой, вот она насытится и успокоится. — Она помолчала.

— Ну? И что, успокоилась уже? Или еще надо месяцок-другой? — почти злобно спросил Максим.

— Нет! Не успокоилась! — категорически и вместе с тем нежно ответила она. — Успокоилась тут, когда ты такие песни сочиняешь и поешь.

— Почему я? — проявил Максим честную скромность. — Я только музыку, мелодию. Ну и исполняю сам, конечно.

Он был рад любой возможности увести беседу в сторону от любовной тематики, но и тут ему не очень-то удалось.

— Я знаю, мой люб... Короче, Максим, мне и так известно все, что ты делаешь. Я ведь очень давно слежу за то... за творчеством твоим. Потому что я тебя очень-очень... Потому что я тебя... вообще... Кажется, что всю жизнь, пока себя помню. Стихи тебе пишу. Тебе и про тебя. Не показываю никому. И все про тебя знаю... И помню. — Дуня вздохнула глубоко и спросила: — А ты помнишь, какое сегодня число?

— Пятое июня, — удивленно ответил Максим.

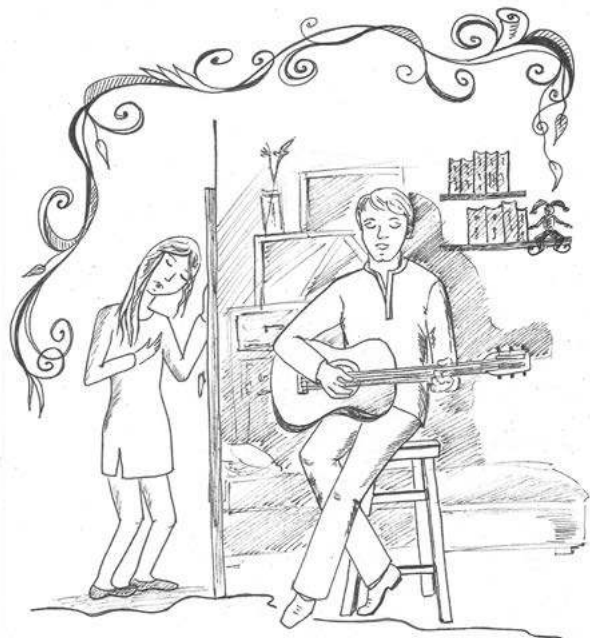
— Нет, ты не понял. Что это за дата, ты помнишь?

Максим порылся в памяти из вежливости, но ничего там не обнаружил и ответил:

— Нет... Нет, ничего не припоминаю.

— Так вот, — сказала Дуня. — Сегодня исполнился ровно год, как ты меня послал подальше. Не помнишь?

— Не помню... Как послал? Зачем? По какому поводу?

— Я тогда девятый класс заканчивала. И в который раз пришла тогда на твой спектакль, последний перед отпуском. Потом у служебного входа ждала тебя с букетом тюльпанов. Поздравить хотела с окончанием сезона. А сзади папин лимузин ждал. Ты вышел...

— Ну, ну дальше, — поторопил Дуню ее пленительный пленник (ну как же тут без каламбура!).

— А дальше как всегда. Тебя окружила куча телок с цветами и блокнотами для автографов. Стали кланяться сфоткаться с тобой. Ну и сквозь них когда все же прорвалась, Валера, шофер наш, меня окликнул. И я, уже озверелая совсем, рванула на него, как на лакея, чтоб он не лез куда не просят и знал свое место...

— Ну, и что дальше?.. — уже что-то вспоминая, промолвил Максим.

— А дальше ты посмотрел на меня, потом на машину как на мусоровоз, не принял от меня цветы и так, знаешь, брезгливо обронил: «Не пошла бы ты, девочка, читать книгу “Капитал” Карла Маркса, чей бородатый памятник тут на площади стоит». И я с позором ушла. А телки твои мне вслед ржали...

Печальный рассказ Дуни о памятной дате их несостоявшегося знакомства подтолкнул Максима на еще один, почти профессиональный вопрос.

— Знаешь, — сказал он, — ты можешь удивляться, но я этот эпизод вспомнил. Я сам удивляюсь в который раз — как это вы, женщины, девушки, ухитряетесь запоминать все пустяковые даты, которым мы, лица другого пола, не придаем ни малейшего значения? Надо же, годовщина какого-то пустяка!

— А через неделю, — продолжала Дуня демонстрировать свою избирательную память, — будет ровно три года, как я тебя впервые увидела в молодежном театре, в спектакле «Фанфан-тюльпан», и влюбилась. Букет был с намеком на спектакль.

— А вчера, — издевательским тоном продолжил Максим, — исполнилось ровно десять дней, как меня запихнули в машину и привезли сюда в качестве любовной забавы избалованной вконец дочери богатого беспредельщика, который решил, что ему вообще нет закона. Любой каприз за деньги. А сегодня исполнилось ровно одиннадцать дней и — он посмотрел на часы — тринадцать часов с этой очень памятной для меня даты.

— Прости, — прошептала Дуня и опять собралась заплакать.

— Подожди, — остановил слезы любимый, — вот интересно, я вспомнил, как ты рванула на своего шофера. У тебя был такой, знаешь, грубый, вульгарный даже голос; такими голосами ругаются в очередях и на базаре. Диспетчер аэропорта

даже в своих информационных сообщениях звучит мягче и сердечнее, не смотря на то, что вовсе не обязан добавлять сочувствия или сердечности в текст типа «Пассажиры такие-то. Ваш рейс задерживается на столько-то...». И вот все то время, пока я тут, у тебя, я ни разу не слышал ни такого голоса, на октаву ниже твоего, каким ты со мной разговариваешь, ни такого тембра и тем более ни такой интонации коммунальной склочницы, которой в трамвае наступили на ногу. Ведь со мной ты разговариваешь как ласковый котенок, который вдруг обрел дар разговаривать. Ты, прости конечно, то мяукаешь, то воркуешь, но все это опять же — на октаву выше и нежно-пренежно. Откуда такой диапазон? И где ты, Дуня, настоящая, правдивая? А? Говори честно!

Максим развернул девушку к себе лицом, взял за плечи и слегка встряхнул, глядя на нее в упор.

— Говори! — почти приказал он.

И тут Дуня, неожиданно улыбнувшись, сказала басом, тем самым басом:

— А чему ты, мой неласковый, удивляешься? Я со всеми другими разговариваю вот таким тоном. Хочу разговаривать так. А с тобой говорю вот так, — снова промяукала способная к перевоплощению девушка, — и знаешь почему?

— Ну? — пробурчал обескураженный артист, который прямо сейчас получил мастер-класс по сценической речи.

— Да потому что ты мой любимый. Я тебя очень-очень... сильно... И мне хочется с тобой говорить только так. И я не прикидываюсь. Ты ведь, наверное, тоже с разными людьми неодинаковым тоном разговариваешь, правильно?

— Да, — вынужден был согласиться он.

— Вот и не сомневайся, пожалуйста. С тобой все правда! Верь мне! Пожалуйста! Знай, что бы ни было, у тебя есть я. И я для тебя сделаю все что захочешь!

Она говорила так неистово и убежденно, что Максим даже устыдился немного своего неверия, но в его положении это было все-таки естественно.

— Дуня, давай серьезно. Если правда сделаешь все, что я захочу, — так я захочу! Считаю, что уже хочу. Отпусти ты меня, а? Очень прошу! Мне осточертело быть тут, в плену, не видаться с друзьями, не ходить куда хочу, не ехать к родителям — надоело, понимаешь! Я тебе твердо могу пообещать: мы и без этого всего интерьера будем встречаться.

— Да?! — вскрикнула от внезапно возникшей перспективы счастья Дуня.

— Да! Конечно. На нейтральной территории. В кафе или еще где-нибудь. Билеты, то есть

контрамарки, будешь иметь на все спектакли, какие захочешь. И в другие театры тоже. Перезваниваться будем каждый день. Сэмки друг другу посылать, я так эсэмэски называю, и т. д. Ну?! Отпустишь?

— Конечно! Я согласна, — улыбнулась Дуня. — Проблема одна. Охрана. Папа понаставил тут охраны, чтоб ты не сбежал...

— Давай как-нибудь обманем их. Ты же можешь придумать — как. Ведь можешь? Вместе выйдем...

— Да, пожалуй... Смогу. Надо подумать...

И следующие два дня они вместе продумывали и намечали план побега Максима из его оригинальной тюрьмы. И придумали. Но планам этим не суждено было осуществиться. И, как оказалось, по весьма комичной причине...

ГЛАВА 7. КОВАРНЫЙ ЗАМЫСЕЛ ПЕНСИОНЕРОВ

Платон Сергеевич и Агриппина Васильевна оказались не такими уж наивными простачками, как опрометчиво полагал их оппонент из враждебного лагеря новорусских людоедов. Особенно Платон Сергеевич, в чьей голове в момент приема денег от Спартака рождался хитроумный план мести за сына, за себя с супругой и, согласно линии их партии, за весь оболганный и обворованный русский народ, которому не так давно пообещали жизнь при коммунизме, а получил он в результате — трудное выживание в условиях пещерного капитализма. Платон Сергеевич увидел неожиданно возникшую возможность отплатить этим разбойникам их же монетой, ответить их же бандитским методом. Ответить если и не всем, то хотя бы одному из них, вполне омерзительному уже потому, что он полагал, как и большинство представителей его бизнес-сообщества, будто за их деньги им чихать на закон и любые препятствия преодолимы. «Нет! Не любые! — подумал тогда чистый сердцем пенсионер. — Я это ему скоро докажу».

Удивленно-потрясенное выражение глаз его верной супруги Агриппины Васильевны, которую он всю жизнь любовно называл Груней, а шутя — Грушей, заставило его немедленно объясниться, как только закрылась дверь за подлым расхитителем социалистической собственности. Нет. Он не поступился принципами и тем более не предал идеалы, напротив, он приступает к разработке совершенно авантюрного, но эффективно-го плана использования денег, врученных им в ка-

честве взятки несчастным (якобы) папашей своей капризной дочери. И, в случае успешного исхода, план Платона Сергеевича окажется абсолютно непревзойденным в стратегическом, тактическом и всех других смыслах. Не говоря уже о том, что талант и фантазия, проявленные при рождении этой идеи, безусловно, не сравнимы ни с чем, а значит, они тоже будут непревзойденными.

Так думал Платон Сергеевич, объясняя супруге свой замысел, не уступающий в коварстве и подлости даже самым именитым нашим предпринимателям. Однако сам стратег-пенсионер предпочитал в этом вопросе сравнивать себя с хитрым русским военачальником Кутузовым, который вначале отступил и даже отдал Москву, а когда Наполеон подумал, что, взяв Москву, победил, заставил чуть позже всю французскую армию и их императора позорно бежать, теряя не только людей, а для Бонапарта — и репутацию непобедимого полководца.

«И тут тоже, — думал Платон Сергеевич, — этот негодяй думает, что я отступил, а он со своими гадскими деньгами — победил. Но ничего, ничего, скоро он искупается под очень холодным душем, скоро уже озноб пробежит по его атлетическому телу, скоро уже мурашки страха прогуляются вдоль его окостеневшего позвоночника. Большие будут мурашки! Впечатляющие!» — с несвой-

ственным себе злорадством размышлял мститель, всегда испытывавший слабость к цветистым фразам.

Что же такое придумал вроде бы безобидный, убеленный, как говорится, сединами наш еще не старичок, но уже — почти. Чем же угрожает он влиятельному дельцу и депутату? Чем же он, невзрачная букашка, способен навредить одному из хозяев жизни, который при желании может превратить его в ничто, в пепел, истлевающий прах?

Ну что он может?! Что?! — мучает вас, наверное, алчная любознательность, ваша, быть может, природная пытливость, которую автор немедленно удовлетворит.

И вот что придумал инициативный борец за справедливость. Похитить теперь уже его, олигарха, драгоценную дочь, точно так же, как он поступил с их сыном. Вот так же зеркально устроить похищение влюбленной девушки. Но сделать это с особым цинизмом, то есть все организовать за его же деньги. Той пачки долларов, наверное, не хватит, точнее, хватит лишь на аванс тем бандитам, которых он постарается разыскать и нанять. А вот каким образом разыскать, через кого выйти на людей, которые специализируются на похищениях, Платон Сергеевич совершенно не знал. Но ничего, дело наживное, еще время есть, были бы деньги в достаточном количестве, а там разберемся. Ход мыслей Платона Сергеевича в целом был правильным. И вывод был правильным: достать побольше денег. А где их еще можно было достать, как не у того же псевдо-Савелия Игнатьевича. Платон Сергеевич был абсолютно убежден, что «псевдо», — уж больно неуклюже косил он тут под народника и почвенника. Надо будет, кстати, узнать, как его по-настоящему-то зовут. Так, для гарантии, для страховки, на всякий случай. Ну, это тоже можно будет поручить тем ребятам, которые займутся похищ... Стоп! Ведь он же свою визитку оставил, а там ведь непременно его настоящее имя и фамилия. Где она? Да вот, на столе!..

Агриппина Васильевна с любовью поглядывала на своего изобретательного мужа после того, как он поведал ей о своем коварном замысле. Она ведь чуть было не заподозрила его в измене. Измене не физической, а самое гадкой — измене идеалам и даже, страшно подумать, измене униженной Родине. Но все объяснилось, и теперь Груня вновь стала верной и любящей женой.

«Фантазер ты мой! Затейник! — с нежностью думала она, помолодев разом лет на двадцать и глядя на мужа, изучающего оставленную визитку бизнесмена. — Ишь чего удумал, кукушонок мой

седенький! Никому бы из соратников такое и в голову не пришло бы. А ему пришло! Радость моя!»

— Спартак его зовут, — сказал Платон Сергеевич. — Отчество не указал. Молодится, верно, наш недобрый молодец. Значит, мы ему сейчас... Нет, лучше завтра звоним и приглашаем снова нас посетить. Уже как будто свататься... Не сразу, а в будущем. Обозримом будущем! — с напором подчеркнул Платон Сергеевич. — Это ведь не случайная, может быть, связь, и если, мол, наш сын когда-нибудь согласится, то мы должны подробнее узнать о будущей невестке — с кем имеем дело? Поподробнее — кто, мол, ваша дочь такая, что из себя представляет, сколько лет, где учится, что любит, что не любит. Куда ходит. Таким образом, мы даем ему понять, что в целом ничего против не имеем. А сами аккуратно выведываем у него все данные о дочери, которые понадобятся нашим уже нанятым похитителям. А этот Спартак, ничего не подозревая, нам все разболтает. Будет только рад, что мы, мол, теперь с ним на одной стороне.

— А насчет женитьбы — это не слишком? — засомневалась Агриппина Васильевна. — С чего это наш Максим восплачет к этой девице и сразу в женихи запишется?

— Так это ж только вариант для нашего якобы тестя — Спартака. Максим об этом даже не узнает ничего.

— Ну а Спартак этот, он же третий калач. Вдруг он с недоверием отнесется...

— Да и черт с ним! Плевать нам на его доверие! Мы ему скажем, что брак наших детей — это в идеале. И то если Максим согласится. Но он в это поверит без вопросов. Ведь они все думают, что породниться с ними — это счастье невообразимое. Что все только об этом и мечтают! А вот если о браке вопрос пока не стоит, а он и не стоит, то я ему этак деликатно намекну, напомню о его предложении, об условиях насчет денег, про которые он сам же и сказал.

— А что это за условия? — спросила Агриппина Васильевна. — Я уж и забыла.

— Он пообещал, — Платон Сергеевич снова взял в руки все ту же пачку долларов и помахал ей перед лицом жены, — платить нам столько же за каждый день Максимового плена. Я ему завтра позвоню, потребую еще две такие пачки за два дня, позову его к нам домой, чтобы приехал с деньгами. И заодно для разговора о его дочери. Мы, мол, вправе узнать о ней побольше. Язык денег они понимают хорошо. А мы с тобой, Груша ты моя дорогая, разыграем жадность; что мы с тобой будто повелись на доллары, хотели гордо

отказаться, но потом не смогли совладать с собой. Сломались...

— Ой, я, наверное, не смогу... — заныла тоскливо Агриппина Васильевна.

— А придется! — решительно прервал все возражения ее воинственный муж. — При этом надо помнить: ни в коем случае не переиграть! Мол, да, мы любим деньги, но соглашаемся на сотрудничество только скрепя сердце. Скрепя сердце! — подчеркнул Платон Сергеевич актерскую задачу. Вот так нам надо бы получать по пачке в день, но лучше, чтобы он заплатил впрок. Он же может! Ему, похоже, без разницы — за два дня дать или за неделю. Точно! И ему удобнее, чтобы все время не ездить. Правильно, я ему так и скажу. Пусть везет за неделю аренды нашего сына. И вот когда у нас будет семь пачек, тут-то мы и начнем нашу, Груня, с тобой операцию под кодовым названием «Отмщение».

— Ну, дай-то бог! — со сдержанной радостью согласилась Агриппина Васильевна.

И самое интересное, что все так и произошло, согласно намеченному Платоном Сергеевичем сценарию. Платонов план сработал, и в руках пенсионеров аккумулировалась солидная сумма в 80 тысяч долларов. Можно было начинать реализацию ответного удара, их контрнаступления.

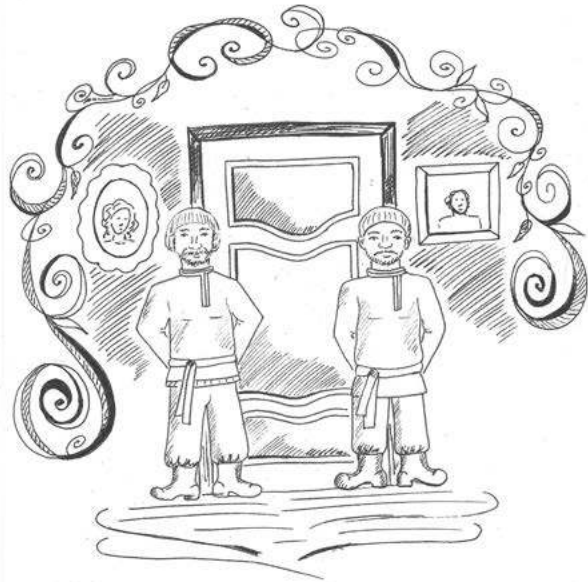
ГЛАВА 8. НЕНУЖНЫЙ АФРОНТ МАКСИМА, КОТОРЫЙ ПРИВЕЛ ПОТОМ К НЕОЖИДАНЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ

А между тем их ничего не подозревающая молодежь готовилась к побегу. Подготовка, однако, велась слишком степенно, чтобы не сказать — вяло. От Максима в этом вопросе мало что зависело, он был тут фигурой пассивной. А вот Дуня, видимо, не слишком торопилась.

«Что она тянет? — думал заключенный артист. — Я же ей пообещал нерушимую дружбу, бесплатный абонемент в театр плюс возможность (впоследствии! Только впоследствии!) надеяться на более близкие отношения». Ну, в общем, парень опасался не напрасно. Дуня не слишком форсировала события, медлила с твердым назначением дня побега. Все время говорила Максиму, что надо точно знать, когда охранники уйдут на обед (а в это время они всегда запирали комнату заключенного на ключ), и ей нужно как-то успеть сделать дубликат ключа, который ей выдавался охранником только на время посещения, на время

свидания с узником; по окончании встречи ключ охранник опять забирал. Все это были распоряжения умного и многоопытного папы, который старался обеспечить криминальную свою акцию наибольшей безопасностью и не подвести себя никоим образом под уголовную статью, если вдруг Максиму удастся каким-то образом убежать. Он, казалось бы, сделал все, чтобы этого не случилось. Учтено было практически все, кроме... собственной дочери, ради которой он и старался. А дочь тем временем обдумывала еще и другое, самое, пожалуй, главное и трудное: как вырубить видеокамеры, которые торчали по всему периметру, и как отключить сигнализацию у ворот. И об этих трудностях в числе прочих она Максиму и рассказывала, умоляя его не торопиться и набраться терпения. Ну, доля лукавства тут, конечно, была: одно дело, когда кумир близко, под боком, живет здесь и всегда его можно увидеть, а иногда и потрогать, дотронуться. И совсем другое, когда эта гордая птица упорхнет из клетки и будет где-то совсем в другом месте, а там уже и не увидишь, и не потрогаешь, и песен его больше не услышишь, разве только на концерте, сидя среди зрителей и телок разных, восторженных дур, которые все будут его хотеть!..

«А здесь он мой, — думала Дуня, — хоть и не совсем мой. но все-таки мой». И все не мог-

ла решить, сколько дней еще она может его тут подержать без опасения, что он ее возненавидит. Однако все нерешенные проблемы с ключом, охранниками и прочим были трудны, но преодолимы, и Дуня про себя точно знала, что с ними можно справиться за два дня. Ведь дачная охрана ей доверяла всецело и заподозрить дочь босса в предательстве было для них немыслимо. Такое было за гранью воображения упитанных и постриженных в стиле армейский полубокс Ивана и Прохора. Напомним для порядка, что босс, сдвинутый на славянизмах, на всем русском и посконном, никак не мог бы взять себе на работу людей с другими именами; скажем, какой-нибудь Эммануил или того хуже — какой-нибудь Ефим, в дачном тереме Спартака, рядом, можно сказать, с его горницей, спальней, рядом с девичьей светелкой его Дуняши, — ну никак не прокатили бы. Даже представить себе невозможно, чтобы кликнуть слугу: Фима! Или Эмма! — ну просто все нутро переворачивается! А вот простые русские Ваня и Проша — это подойдет.

И они были как раз настолько просты, что обмануть их хитрющей Дуне было — раз плюнуть.

Но она все тянула, длила момент перед неизбежным расставанием. Неизбежным, конечно, потому что она же пообещала. Правда, и он, ненаглядный, тоже обещал — и встречаться, и все такое, однако бог его знает, как все может обернуться. И Дуня все старалась его успокоить: потерпи, милый, уже все, уже скоро, вот я сделала уже слепок с ключа, завтра съезжу в мастерскую, сделаю дубликат, а сейчас не хочешь ли больших креветочек, королевских, с чешским пивом, заказала утром для тебя — и вот, привезли. Максим досадливо отворачивался вначале, а потом все же угощение отведывал — а что еще было делать, голодовку, что ли, объявлять? Он уже в начале своего заточения раз попробовал, но приехал тогда Дунин папенька, и на второй день голодовки ему насильно вдули какую-то глюкозу и вонзили в глотку куриный бульон, так что мера эта тут бесполезна да и бессмысленна. «Так что хоть поем пока, — шел на компромисс с собой Максим, — дома-то не удастся поесть ничего такого. С паршивой овцы хоть шерсти клок», — успокаивал он себя и, более не мучаясь угрызениями совести, поглощал все, что ему подносили, — и икру разных цветов, и стерлядь, и севрюгу, и прочие разные деликатесы, и вообще все что пожелает — любой каприз, поэтому перечислять все меню, которое употреблял Максим не без аппетита, незачем, да и попросту лень.

Проша и Ваня иногда поглядывали на него, как ему казалось, с иронией: мол, сломался мальчик, немного покобенился и все равно сломался. «Недолго музыка играла, недолго фразер танцевал», — процитировал как-то Проша в частной беседе с Ваней свою любимую поговорку. А Максим смотрел на них с плохо скрытой ненавистью и думал: ничего, ничего, если вы меня, гады, тут взаперти держите, лакеи мерзкие, холюи безмозглые, так я тогда возьму от этой ситуации все по максимуму (меня и зовут-то созвучно Макс. И Макс вами по МАКСимуму и пользуется). Погоняю я вас, опричников хреновых, и за икрой, и за коньяком, и за пивом чешским, немецким, датским — еще там каким! А когда принесете, скажу, что передумал, желаю теперь английского эля... Ничего, ничего, ребята, пусть кто-нибудь из вас слетает в Елисейский, там есть.

Лакеи от капризов Максима прямо сатанели, а он, даже подчеркивая издевательскую интонацию, говорил, к примеру:

— Ну что? Не устал еще, Ванечка? Сбегай тогда мне за сегодняшними газетами. А то Проша уже бегал мне за семечками, теперь твоя очередь.

Доморощенные секьюрити скрипели зубами от злости, но бегали и ничего не говорили, потому что был наказ от босса — выполнять любое малейшее желание пленника, каким бы идиотским оно им ни казалось.

Однако пришел день, когда терпение Максима лопнуло, и он решил расставить все точки над нужными буквами.

Разговор с Дуней получился жестким, даже грубым с его стороны, да и, если честно, несправедливым. Не стоило ее так обижать, она ведь была не самым виновным человеком во всем, что произошло. Да и как можно было винить ее за то, что она так безоглядно, пылко, безнадежно, на разрыв аорты, на погибель души — полюбила Максима. И потом, она ведь не просила его похищать. И ясно, что Максим в их последующем объяснении был глубоко не прав. А было так...

В очередное утро Дуня постучала в комнату любимого, с трудом оторвав правую руку от подноса с изысканной снедью, которой она хотела порадовать его и хоть чем-то утешить. Она ведь чувствовала, что Максим начинает все больше злиться, с каждым днем его состояние становится все напряженнее и нетерпение растет. А ничего не происходит, и побег постоянно откладывается, надежда гаснет, настроение портится, аппетит пропадает. А пресловутые яства для узника могут его только взбесить, если чаша терпения уже настолько переполнена, что любая мелочь может приве-

сти к взрыву. Вот Максим и взорвался, мгновенно погасив улыбку на лице его невольной тюремщицы. А Дуня, надо сказать, генетически унаследованная от обаятельнейшего папы, была весьма и весьма располагающей. Не расположила она на этот раз и подействовала как раз наоборот.

— Дуня, сядь, — потребовал возлюбленный строго, жестко и — в перспективе — беспощадно. — Поставь свой поднос с этой дурацкой едой и сядь. Нам надо с тобой кое-что прояснить. Выяснить, так сказать, отношения.

Дуня покорно села и затихла, потупив глаза и ожидая неминуемых неприятностей, ибо тон пленника не предвещал ничего хорошего. Максим сел рядом с ней и потребовал:

— Посмотри мне прямо в глаза. — А затем, глядя на нее в упор, задал вопрос, который она со страхом ждала последние два дня. — Ты что, девочка, специально меня держишь дольше, чем надо? Будто я не понимаю, что все эти отговорки насчет сигнализации, охранников и прочего — всего лишь уловки для того, чтобы я терпеливо ждал. А на самом деле все эти проблемки ты способна решить за пару дней. Тебе, видно, хочется продлить наше затянувшееся randevu! — Максим говорил все злее и жестче, постепенно повышая голос, ибо гнев затопил его сознание и грозил превратить все объяснение в скандал. — Тебе что, хочется подольше насладиться моим обществом? Боишься, что потом, когда я улизну из твоих цепких объятий, я исчезну для тебя навсегда? Не веришь, подруга дней моих суровых, что я выполню свои обещания? Встречаться с тобой, делать контрамарки на все спектакли и т. д.? Так вот, знай, что если ты свои обещания мне помочь просто похоронишь, то я тебя просто забуду на фиг, как страшный и ненужный сон.

Максим, как хороший артист, умел придать словам максимальную убедительность. И они пылали гневом, сарказмом и такой неприязнью и даже злобой, что Дуня оцепенела, окаменела и, не в силах оторвать глаза от любимого лица, ждала, когда же он закончит свою обличительную речь. А Максим все обрушивал на безответную и беззащитную Дуню свои хлесткие слова, каждое из которых бедная Дуня встречала как пощечину, вздрагивая всем телом и лицом.

— Меня-то, девочка, рано или поздно все равно найдут, но с тобой будет все кончено! И бесповоротно! Ты что же, думаешь, глупое ты существо, что если твой папа — мешок с валютой, то все позволено?! — Он говорил и думал так же, как и его родители, и это было естественно. — Когда уже вы, твари толстопузые, уже обожретесь,

наконец, вашими долларами, когда уже вам встем, уродам, будет достаточно?! — Максим распалил до того, что обрушил на Дуню весь социальный гнев ущемленного населения, будто именно она являлась автором перестройки и приватизации, хотя Дуня никак не могла ответить за поведение вождей зарождающегося капитализма и других реформаторов.

Она сидела, закрыв лицо руками, а из-под пальцев текли слезы обиды и унижения. Но главным были не прямые уже оскорбления, до которых опустился любимый, а сознание того, что все ее скромные и нескромные надежды разбились о неравенство социальных слоев, что между ними после его слов уже ничего не может состояться, потому что в любых словах есть некая точка невозврата, черта, переступив которую уже ничего нельзя вернуть. Она вдруг как-то сразу ощутила, что Максим ее не полюбит никогда, что в лучшем случае он будет с трудом поддерживать вежливые отношения. Но даже и их не будет, если она не устроит его побег немедленно. А в данную минуту ей было и это неважно, так как разошедшийся Максим, встав и наклонившись над ней, плачущей, добивал ее страшными словами:

— Ты хоть сама-то понимаешь, мелочь ты ничемная, что вы с папенькой своим натворили?! Человека похитить, а?! Это ж придумать надо! Что вы, суки, себе позволяете! И ты, мразь капризная, избалованная! Подай, мол, мне все, что хочу! Вот тебе и подали, кукле безмозглой, меня — на серебряном подносе без гарнира! Но слопать меня у вашей жабьей братвы так просто не выйдет, ясно? Я понимаю, что любой купленный вами суд вас оправдает, поэтому ни я, ни театр, ни родители мои судиться с вами, паразитами, не станем. Но свою долю презрения и брезгливости вы получите! И особенно ты, бесполезный отпрыск банкомата! А уж с банкоматом твоим, папашкой-свиной, потом народ разберется! А если не народ, то Бог! И все, я тебе все сказал, что думаю, и больше ничего хорошего я от тебя не жду. Катись из моей комнаты (он так и сказал — моей) вместе со всем провиантом своим на подносе и больше не приходи! Я объявляю голодовку!

Дуня отняла руки от зареванного лица и бросилась вон из комнаты.

— Эй! — закричал ей вслед узник совести. — Деликатесы забыла! — И выбросил поднос за порог своей камеры.

Белужья икра рассыпалась по полу, бордо 72-го года пролилось из бутылки, белые гренки с вологодским маслом улетели в угол коридора.

Но суровый и беспощадный обличитель только гордо плюнул вслед опрокинутому подносу и захолопнул за собой дверь. Голодовка так голодовка! Обещал — так выполняй!

А Дуня в это время безутешно рыдала в другом крыле «замка», в своей девичьей спальне, не ведавшей до сих пор мужского присутствия. Мало того, и даже будущее в этом смысле рисовалось совсем туманным.

Ну а дальше все покатило по сценарию, созревшему в голове Платона Сергеевича. Надо было только дожидаться определенных условий, обстоятельств, при которых его план должен был сработать. И оттого, что события в загородной резиденции магната развивались параллельно и одновременно с тем, что было в родительском доме Максима, ждать пришлось недолго.

Дуня знала только один способ заглушить тоску-печаль, развеять хандру и не впасть совсем в отчаяние. Проплакав полвечера и не решившись на самоубийство от неразделенной любви, она решила поехать в ночной клуб и выпиться там до желанного забытья. Тем более что давно там не была, даже забыла о нем на все то время, пока ее воображение занимал любимый и желанный артист. Давно ее там не видели, однако контингент остался почти неизменным, и все ей были рады. Дуня быстренько овладела двумя крепкими коктейлями, а они овладели ей. Затем необходимо было овладеть каким-нибудь хорошеньким мальчиком, чтобы тот выжег в ее сердце память о бессердечном возлюбленном хотя бы на один вечер. Поэтому перемещение тела на танцпол было совершенно естественным. И почти сразу ее пригласил танцевать смуглый и стройный красавец по имени Артур.

Пригласил на медленный танец, или, как принято было говорить в их клубной среде, — на медляк. Медляк — это ведь не что иное, как легитимный повод для объятия и соприкосновения эrogenных зон. Дуня с Артуром, еле переступая ногами, двигались по танцполу под непревзойденную композицию Игоря Николаева «Выпьем за любовь». И откуда ей было знать, романтической и слегка опьяневшей девушке, что ее все время пасли, ожидая, что она непременно сюда зайвится рано или поздно (любимый клуб, что ни говори). Дежурили посменно несколько последних дней и дождались. А тот, кто с ней танцевал, обнимая нежно, но властно, был одним из нанятых родителями Максима киднепперов. Платон Сергеевич верно сообразил, что почти в любой газете, в разделе объявлений и уж наверняка в такой, как «Из рук в руки», найдется сообщение,

намекающее на плодотворное сотрудничество, типа «куплю все», или, например, «Разнообразные услуги. Любые. Без ограничений». Платон Сергеевич позвонил. Они приехали. Услышали задачу и озвучили прейскурант. Накопленной суммы хватило для совершения бытового злодеяния, и ребята профессионально взялись за дело, получив от заказчика подробную информацию о пристрастиях и любимых местах объекта. Ее фото было на руках у родителей Максима, которые как-то во время планового визита к ним Спартака попросили того показать им хотя бы фотографию дочери, из-за которой все и произошло. Ну а как же! Интересно же все-таки. Ничего не подозревающий Спартак показал и даже оставил на память. Он такого коварства от старичков ну никак не ожидал.

И вот настал час икс. Дуню прогнали, она в тоске и печали приехала в злчное место, напилась там и неаккуратно сблизилась с молодым и красивым атлетом. А тот пригласил за свой столик, заказал шампанское, бухнул ей в бокал пару нужных таблеток — все абсолютно классически — и повел «забухавшую девку» потихоньку к машине, где уже сидел за рулем напарник. И если участь, что Дуня на этот раз поехала без сопровождения и даже на такси, то все прошло на удивление гладко и без нервов. Привезли ее в снятую для этой цели квартиру, выгрузили, закрыли дверь и уехали к Платону Сергеевичу за остальными (помимо аванса) деньгами. На следующий день ей предстояла встреча с родителями любимого, но злого и бесчувственного юноши. Они ее увидят, наконец. Рады ли они будут познакомиться? Как она себя поведет, узнав, кто перед ней? Не будет ли она сама им противна как первопричина их волнений и объект социальной ненависти? Мы скоро узнаем. Она проснется через двенадцать часов.

ГЛАВА 9. ОБМЕН

Нанятым профессионалам надо было выполнить еще одну, последнюю функцию в этой истории — ненавязчиво охранять девицу во время ее заточения и произвести обмен пленными, когда заинтересованные стороны обо всем договорятся.

А девушка очнулась, совершенно не понимая, где находится, и первым делом заглянула в холодильник — нет ли там ничего, чтобы снять синдром некоторой усталости после вчерашнего. В холодильнике было оставлено то, что, по мнению пенсионеров, могло облегчить состояние,

то есть — кефир. Опохмелившись этим благородным кисломолочным продуктом, Дуня оглядела свое новое жилище и обнаружила: первое — что она заперта, и второе, подойдя к окну, — что находится она приблизительно на пятом этаже, и, наконец, третье — что телефона в квартире нет, а ее мобильник конфискован. То есть шансов оповестить всесильного папу или хотя бы охрану о своем бедственном положении — никаких. Хотя, конечно, положение не совсем бедственное, но все же — не стандарт, непростое положение. Плен практически. Сделав такой вывод, Дуня вспомнила про плененного Максима и невесело усмехнулась. Словно ей кто-то свыше указал: вот и почувствуй теперь себя в том же положении, что и предмет твоего обожания Максим. Дуня побродила по комнате, по коридору, зашла в туалет, в ванную, выпила еще кефира и подошла к книжным полкам. И, разумеется, неслучайно ей сразу попался на глаза корешок книги с таким знакомым названием: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», что опять вызвало горькую усмешку на девичьих устах, до сих пор так и не тронутых поцелуем. Дуня перечитывала историю Печорина и Бэлы и изнывала от скуки еще целые сутки. Еда в холодильнике была, чистая вода в больших пятилитровых емкостях тоже оказалась предусмотрена; чайник, чай и кофе тоже были. Казалось бы, успокойся, сиди и жди, когда все прояснится, вон, телевизор включи, может, в новостях про тебя скажут, и тогда хоть что-нибудь будет понятно. Однако на первом плане, заслонив собой все другое, было бешенство самолюбивого, свободолюбивого, но запертого почему-то существа. А по телевизору о ней ничего и не могли рассказать, потому что папа об ее исчезновении поведать органам никак не мог, ибо тогда его роль во всей истории неизбежно бы проявилась и он по меньшей мере лишился бы в таком случае своей депутатской неприкосновенности. Под статью уголовную угодил бы уважаемый гражданин!

Подняв на ноги весь свой штат, Спартак сутки искал дочь и не догадывался ни о чем! Что это было? Похищение с целью выкупа, или кто-то из врагов хочет надавить на него, чтобы он уступил какие-то позиции в своем бизнесе, или требование лоббировать вместе с другими очередной бестолковый, но выгодный для некоторых предпринимателей закон, или еще что-то в этом роде? Спартак понятия не имел, в чем тут дело, и даже предположить не мог, что пропажа любимой дочери — это обычная месть двух старичков, божьих одуванчиков, никчемных пережитков советского прошлого. Седая пыль на небоскребах новейшей русской

истории! О! Если бы он еще знал, блуждая по лабиринту загадок, что все было организовано за его же деньги!.. О-о! Он бы увез старичков в суровую тайгу и самолично четвертовал! И он ведь в конце концов узнал! Но поделаться ничего не мог, имея не то что «рыльце в пушку», а намного преувеличенный вариант — «рыло в пуху».

А узнал буквально вчера, когда Платон Сергеевич позвонил ему и сказал, что к его семейной драме они с женой имеют самое прямое отношение. Прозрачно намекнув на это олигарху, Платон Сергеевич предложил разумно, спокойно и без нервов обсудить ситуацию, для чего предложил встретиться на нейтральной территории, скажем, на второй справа от Пушкинской площади скамейке Тверского бульвара. И чтоб один, без охраны и без оружия. Информацию о такого рода встречах Платон Сергеевич черпал исключительно из телевизора, из заокеанских и отечественных боевиков, больше ведь пока, слава богу, было неоткуда. Он уже насмотрелся вдоволь этой гангстерской классики, в которой типизация и штампы, эпизоды и сюжеты, кочующие из фильма в фильм, вызывают в лучшем случае иронию и презрение. Уж сколько раз было — «Отпусти ее (его)», «Положи пистолет!» и «Учти, если хоть волос упадет с его (ее) головы» или «Слушай, если ты моего сына хоть пальцем» и т. д. и т. д. Длинная вереница баналь-

ностей, но Платон Сергеевич имел только этот телевизионный опыт и диктовал условия встречи, одновременно презирая себя за ржавые штампы, заимствованные из ТВ. Спасибо, сдержался и не потребовал от Спартака, чтобы, мол, нигде не было снайпера. Ну кому он нужен, ботаник на заслуженном отдыхе, тем более мертвый, ведь так безутешный отец никогда не узнает, где дочь... Впрочем, он же может подвергнуть пыткам жену Агриппину, его верную Груню, так что, может, и надо сказать про снайпера?.. А с другой стороны — в толпе, на Тверском бульваре, киллер может нож воткнуть — и все, а уж потом приступить к истязаниям Груни. Поэтому Платон Сергеевич передумал и назначил встречу в доме ветеранов, точнее, в комитете ветеранов войны, тоже на Пушкинской площади. В случае чего ветераны его защитят и спасут от людоеда-олигарха.

Надо отметить, что накануне, перед звонком Спартаку, Платон Сергеевич с женой посетили конспиративную квартиру, в которой содержалась его похищенная дочь. Ну, чтобы посмотреть на нее, познакомиться, увидеть в лицо первопричину того, что произошло с их сыном. И девочка им почти понравилась, папа-людоед и она были совершенно разными людьми. Дуня, уже в крайней степени беспокойства и непонимания, вдруг увидела двух седых человечков, вошедших неожиданно в квартиру в сопровождении ее партнера по танцу в ночном клубе — Артура. Артур ей по-свойски улыбнулся и даже подмигнул, засранец. А старички с порога представились, объявив вконец ошарашенной девушке, что они — родители Максима. Максима, которого вероломно и подло увезли в плен именно из-за нее.

— Я... я... слушайте, я тут совершенно ни при чем, — скулила Дуня, размазывая слезы по лицу. — Это папа все сделал, я не просила.

— А зачем это вашему папе? — уже сочувственно спрашивали родители Максима, хотя по рассказу олигарха у них дома они были прекрасно осведомлены о некоторых гримасах любви, свойственных богатым наследницам миллионных состояний. Но им хотелось теперь послушать, что о своей любви скажет сама девушка, и понять, любовь ли это, достойная все-таки понимания, или каприз рублевской принцессы.

И Дуня, с трудом преодолевая застенчивость, призналась, что она уже давно любит их сына, но ничего плохого она ему не желала, тем более — никакого насилия, и эта, мол, бандитская инициатива ее отца угнетает ее до сих пор.

— Максим отругал меня два дня назад, обыскал и выгнал из комнаты, — объяснила Дуня, рыдая. — А я не виновата. Виновата только в том, что люблю его. Уже два года люблю!.. А может, и три, вот сколько себя помню, столько и люблю его! А он меня — нет! Он меня теперь ненавидит! И как мне жить теперь, как?! — кричала она старикам, которые уже были почти готовы простить все от сочувствия к этой шекспировской, гибельной, безнадежной страсти. Но чем они ей-то могли помочь?! Чем? Им бы себе помочь, сына спасти.

Агриппина Васильевна подошла даже к Дуне, обняла ее за плечи, усадила на диван и стала говорить ей какие-то простые бабьи слова утешения. А Платон Сергеевич, растроганно шмыгнув носом, сказал:

— Вот что! Ты не плачь. Эту историю пора как-то заканчивать. Я поговорю с твоим всемогущим отцом, и на днях мы вас обменяем. Тебя вернут твоему папе, а Максим к нам вернется. Вот такой у нас будет справедливый бартер. Груня, пойдём, пора нам. — И Артуру: — Поезжай отдыхать, но будь с телефоном. Я тебе позвоню и скажу, где и во сколько состоится обмен. Будь с оружием и напарника с собой возьми, — продолжал Платон Сергеевич играть в матерого резидента нашей разведки на вражеской территории.

Эта роль в его исполнении выглядела вполне опереточной, да и обстоятельства обмена, которые он конструировал в своей голове, уже напоминали пародию на известный фильм «Мертвый сезон», в котором двух разведчиков напряженно обменивали на мосту. Но что делать! Других приемов и правил Платон Сергеевич не знал, и пришлось пользоваться лишь тем, что он почерпнул из отечественного кинематографа.

Договаривающиеся стороны встретились в назначенное время в комитете ветеранов, перекинулись парой слов, и, преодолевая брезгливую ненависть — Спартак — оттого, что его, крутого мужика, облапошили, как последнего лоха — и кто?! — а Платон Сергеевич, ведомый, конечно же, не только родительским, но и классовым гневом, — все же холодно пожали друг другу руки и перешли за угол в скромное кафе с говорящим названием «Поколение». А там, без всяких товарищеских предложений выпить, а просто за чашкой кофе и минеральной водой противоборствующие стороны обсудили детали обмена. И Платон Сергеевич предложил произвести этот акт в самое многолюдное время на том же Тверском бульваре, чтобы мстительному Спартаку не захотелось в последний момент передумать и предать.

И назавтра, в 19 ч. 30 мин., в разгар народно-го гулянья по бульвару, обмен состоялся. Максим и Дуня медленно двигались навстречу друг другу. За Дуней, чуть поодаль сзади, шли Артур с напарником, а за Максимом, на таком же расстоянии, топали Прохор с Иваном. Покрасневшая от волнения и неистового желания, чтобы он хотя бы взглянул на нее, хоть на секундочку, тогда бы она успела ему что-то крикнуть, дать понять, что любит его, что ни в чем не виновата, что нельзя за любовь так наказывать и ненавидеть! Но Максим, сблизившись на противоходе с ней, даже демонстративно отвернулся, показав тем самым, что даже видеть ее не хочет, настолько она ему противна. Дуня даже не заплакала. Ее сухие, отчаянные, полные мольбы глаза теперь словно погасли,

и она, как сломанная кукла с перевернутой шеей, шла вперед, еле передвигая ноги и уставившись вниз, в землю Тверского бульвара, истоптанную ногами счастливых влюбленных пар.

А Максим, едва поравнявшись с девушкой, бросился вперед, к родителям, радостно хохоча и даже подпрыгивая. Не оглядываясь, эта группа пошла в другую сторону, к Никитским воротам. Они победили! И были уверены, что навсегда вычеркнут из памяти эту злополучную историю. Удастся ли им это легкое решение? Встретятся ли они еще когда-нибудь? По всему — не должны, ничто ведь не обещает такого продолжения. Однако посмотрим... посмотрим... Мало ли что?..

Конец 1-й части.

Продолжение следует.